

Павильоны гарема на закате выглядели сказочно. Бай Лао не смог сдержать восторженного вздоха, засмотревшись на острые красные крыши, верхушками утопающих в густых облаках. Мягкое золотое свечение бумажных фонариков стелилось по земле, и песок искрился алмазной крошкой. Территория была огромной — для Бай Лао, привыкшего к крохотной деревушке из нескольких домов, это стало немного пугающим. Сможет ли он вообще здесь ориентироваться?

Цин Юань неспешно вела его за руку, иногда поправляя выбивающиеся из короткого хвостика непослушные пряди тёмных волос. Вкус её горького жасминового чая ещё чувствовался на языке. Бай Лао боялся. Казалось, выдохни он посильнее, и вместе с воздухом из лёгких вылетит душа. Ему так не хотелось отпустить руку единственного человека, что оказался добр к нему с самого начала. Но их прогулка, пусть и неторопливая, не могла продолжаться вечно.

— Здесь мы расстанемся, — сказала она, остановившись напротив круглой дверной арки из красного дерева. С двух сторон неподвижно стояли стражники в шлемах с кисточками из конского волоса. Кивнув Цин Юань, один из них поспешил скрыться в глубине павильона. — Тебя заберёт один из гаремных евнухов. Они иногда пугают своей молчаливостью, но ты быстро привыкнешь. Жизнь в гареме красива, но не сказочна. Просто не задавай лишних вопросов.

Она ещё раз заправила ему за ухо прядь волос и ушла — плавно, как пенная морская волна отступает от берега.

У Бай Лао не было проблем с болтливостью. В родной деревне общались с ним неохотно, бывало за несколько дней ему и пары слов не доводилось сказать. Но здесь, где всё такое чуждое, где сам он чужой, казалось, любое его слово окажется лишним.

Гаремный евнух оказался мужчиной средних лет, чуть полноватым, с начисто выбритой головой. Одет он был в тяжёлый чёрный халат с широкими рукавами, расшитыми золотыми виноградными лозами. Маленькие глаза смотрели пронизательно, но будто вовсе не выражали эмоций. Как и подобает гаремному служащему, он был безлик и невозмутим как стоячая вода в илистом озере.

Внутреннее убранство гарема пестрело оттенками красного и золотого; от лёгкого сквозняка едва заметно колыхались шелка, расшитые парящими фениксами и цветущими орхидеями. Мягкий переливчатый звук бисерных занавесей играл успокаивающую мелодию, подхваченную звонким девичьим смехом. В воздухе плыл аромат благовоний, тонкий и сладкий, он словно оседал на коже тончайшей плёнкой.

Бай Лао не знал, куда его вели, и спросить не решался. Ему казалось каким-то странным и неестественным, что проходя витыми коридорами, им не встретилась ни одна наложница или служанка — лишь голоса звучали за закрытыми дверьми. Хотя, честно признаться, Бай Лао и не был готов так скоро почувствовать на себе все их взгляды.

Через, казалось, целую вечность его привели в небольшую комнату. От большого количества

горящих свечей в ней было светло как днём. В самом центре лежала подушка, на которую безмолвным жестом указал евнух. Бай Лао послушно опустился, уложил повлажневшие от волнения ладони на колени и вздрогнул, увидев женщину в красном ханьфу. Она расслаблено расположилась на бархатном диване у стены и медленно постукивала золотыми хучжи[1] по резному подлокотнику. Огонь десятка свечей плескался в глубине её глаз словно в недрах самой души.

— Раз на то воля Его Высочества, не мне её оспаривать. Всем должно знать своё место, и матери наследника, и безродному мальчишке.

Сяомин злилась. Но злоба её не была сокрушающей лавиной — скорее тяжёлым лесным пожаром, сковавшим густым дымом самое сердце.

Бай Лао кивнул, хотя ему и не задавали вопросов. Эта женщина, сперва показавшаяся жестокой, сейчас вызывала странную бессознательную жалость. И хотя взгляд её был твёрд, плотно сжатые губы скрывали обиду и смиренную безысходность.

— Ты ведь просто ребёнок...

Будто убеждая саму себя, едва слышно выдохнула Сяомин, покачав головой. И звон её шести[2] жемчужных серёжек мягко отозвался от стен.

— Делай, что нужно, — кивнула она, безмолвно стоящему за спиной Бай Лао, евнуху. — Потом дай немного прийти в себя и отведи к остальной прислуге.

Сяомин встала и грациозно направилась в раздвижной двери. У самого порога она обернулась.

— Теперь твоё место здесь. Сегодня ты впервые это почувствуешь.

Дверь захлопнулась почти бесшумно, и эхо произнесённых слов лёгким холодком пробежало вдоль позвоночника. Бай Лао обернулся — в присутствии евнуха он чувствовал себя довольно свободно. В конце концов, он не был воинственным надзирателем, лишь блюстителем порядка и спокойствия местных обитательниц.

Спина евнуха была довольно широкой, и Бай Лао пришлось немного наклониться, чтобы рассмотреть его действия. На небольшом деревянном столике горела свеча, и длинная игла раскалённо алела, погружённая в самое пламя. На нефритовом блюде рядом лежала длинная серёжка с переливчатым красным как капля крови камнем.

Бай Лао отвернулся, смяв пальцами ткань штанов. Слова Сяомин обрели смысл. Золотое украшение изящнее клейма на коже, но суть его всё равно неизменна.

Движения евнуха уверенны и слажены, он делал это, должно быть, уже сотню раз. Бай Лао

задержал дыхание, когда он опустился слева, натёр мочку уха чем-то резко пахнущим и повернул его голову своими мягкими пухлыми пальцами.

В нос ударил знакомый запах палёной плоти, и капля крови зерном спелого граната упала на грудь, прямо туда, где так испуганно замерло сердце. Боль была мимолётной, ноющее чувство унижения оказалось куда сильнее.

Следуя указаниям, евнух оставил его приходить в себя в одиночестве. В ушах гудело, ноги от долгого сидения затекли и налились свинцом, но Бай Лао оставался неподвижным. Душу его терзали странные чувства. Всего лишь маленький прокол в ухе, говорил он себе. Отчего же кажется, будто самое сердце насадили на раскалённый прут?

Время текло медленно, словно янтарная смола сочилась из разошедшегося ствола векового дерева. Послышался звук открывающейся двери, но вместо чёрного халата в комнату ворвался вихрь бледно-розового шёлка и тонкий аромат персикового цвета.

— Сяомин-шуфэй[3] уже ушла?

Забавно оглядываясь спросила совсем молодая на вид девушка.

— Она строго-настрого запретила нам выходить из покоев, но мне было так любопытно из-за кого такой переполох, что я не удержалась и прошмыгнула. Эти евнухи такие растяпы. Я обязательно научу тебя обводить их вокруг пальца.

Она говорила задорно, и голос её звучал стеклянными колокольчиками, чисто и звонко.

— А? — Бай Лао растерянно поднял затуманенный взгляд и сразу же наткнулся на обворожительную улыбку, настолько заразительную, что он попытался её вернуть. Получилось, должно быть, довольно скверно, но незнакомка будто вовсе не обратила на это внимания.

Она опустилась на колени и совершенно по-ребячески обхватила маленькими ладонями его лицо.

— Такой очаровашка, — заливалась она певчей птицей, — прямые, как меч брови, горящие как звёзды глаза[4].

Бай Лао продолжал молчать.

— Ох, похоже, этот спёртый воздух совсем затуманил тебе голову. Если хочешь на улицу, надо поспешить.

Бай Лао очень хотел. Он активно закивал и сразу сморщился — серёжка в ухе оказалась

довольно тяжёлой и причиняла ощутимую ноющую боль.

Незнакомка вывела его во внутренний двор, строго наказав не шуметь. Вечерний воздух приятно охлаждал зарумянившиеся щёки, а журчащий фонтан манил словно мираж в пустыне. Бай Лао присел на каменный край и блаженно выдохнул.

— Скоро тебя найдут, так что пока я тебя оставлю, — заговорческим шёпотом сказала незнакомка, взъерошив Бай Лао волосы, — если захочешь с кем-нибудь поговорить, спроси любого, где найти Чуньшен-сяньфэй. Не скучай.

На её задорное подмигивание, Бай Лао просто не смог не улыбнуться. Он надеялся, что получилось лучше, чем в первый раз.

***

Вода в фонтане сверкала хрусталём в бледном свете тонкого лунного полумесяца. Бай Лао умылся, не сильно заботясь о приличиях и блаженно прикрыл глаза, наслаждаясь тишиной и стрёкотом сверчков. Он ждал, что за ним придут с минуты на минуту и жадно вдыхал вечернюю прохладу, но время шло, а он по-прежнему оставался один.

Прокол в ухе навязчиво ныл, и Бай Лао неразумно тёр и оттягивал тяжёлое золотое украшение. Заставить себя остановиться он смог лишь когда заметил кровь на подушечках пальцев. Стиснув зубы, он смыл её в том же фонтане.

Вдруг за спиной послышался до боли знакомый золотой перезвон. Услышь его единожды, не забудешь никогда.

— Мне тоже нравится гулять здесь перед сном, — усмехнулся Фэн Ся, присев рядом на край фонтана. Заметив, что Бай Лао не отнимает руки от уха, он выудил из кармана маленькую склянку, с глухим стуком опустив её на прохладный камень. — Аконит[5]. Добавь пару капель в стакан воды, боль отступит.

В свете луны янтарь его глаз — глаз феникса[6] — горел так ярко и завораживающе. Но тупая, ноющая боль так измотала Бай Лао, что он вдруг вспылал такой ненавистью. Она взорвалась словно фейерверк, заставив его оскалиться и зарычать. В глубине души Бай Лао понимал, что это и не ярость вовсе, а горькая, мерзкая обида больше не может держаться внутри.

Он схватил пузырёк и бросил прямо в человека, буквально, спасшего его жалкую, никчёмную жизнь. Прямо в его золотые нагрудные пластины, и стеклянный звон эхом разнёсся в тягучей тишине.

Фэн Ся поднялся. Осколки зловеще захрустели под его подошвами.

— Как есть щенок, — хмыкнул он, — уж зверь должен знать, когда следует подчиниться.

И Фэн Ся ушёл, оставив после себя горькие слёзы на чужих щеках и щемящий сердце перезвон золотых цепочек.

Комментарии и примечания:

[1] Хучжи — «футляр для ногтей». представляли из себя украшенный твердый «коготь» с отверстием для кончика пальца, его делали из драгоценных металлов, кости или раковины и декорировали камнями, эмалью и перьями.

[2] Данная традиция существовала среди маньчжурок. Ещё с детства маньчжурским девочкам каждое ухо прокалывали по три раза. Делалось это, чтобы подчеркнуть их высокий статус. Мне понравилось, хотя в этой работе и нет как таковых маньчжурок. В противовес очень хорошо вписалось, что Бай Лао сделали всего один прокол.

[3] Шуфэй — ранг в гареме. Пока я пыталась разобраться в устройстве азиатских гаремов, честно, мой мозг свернулся в трубочку. В целом за основу я взяла устройство гарема императора в упрощённом виде. Главной среди женщин во дворце была императрица, или главная жена Сына Неба (хуань хоу) — князь у нас жены не имеет, поэтому не акцентируемся; далее шли четыре дополнительные "жены" (фу жэнь) — каждая из них имела особый титул: драгоценной (гуйфэй), добродетельной (шуфэй) — собственно Сяомин, нравственной (дэфэй) и талантливой (сяньфэй) наложницы — собственно, Чуньшен — «рождённая весной»

[4] Поговорка про форму глаз. Бай Лао обладатель «абрикосовых глаз». Абрикосовые глаза внешне похожи на абрикосовую косточку. Глаза чистые и ясные. Они придают человеку невинный и очаровательно наивный вид, естественным образом вызывая ощущение «наивного красавчика».

[5] В древнем Китае использовался как обезболивающее

[6] Глаза феникса, как и следует из названия, похожи на глаза птицы феникс, а формой напоминают параллелограмм. Они считаются самой популярной и самой красивой формой глаз в традиционных китайских представлениях. Такие глаза отличаются особой привлекательностью и очарованием, а также сильной аурой.

<http://bllate.org/book/14934/1323628>